

С О О Б Щ Е Н И Я

Р. Ф. ИТС

О КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ В СИНЬЦЗЯНЕ

Китайский ученый Ван Цзы-юнь, член экспедиции, обследовавшей памятники культуры Синьцзяна, опубликовал интересное сообщение о вновь обнаруженных каменных изваяниях и петроглифах этой северо-западной области Китая¹.

Уже в начале II в. до н. э. через Синьцзян был проложен из Китая на запад путь, сыгравший важную роль в культурных связях китайского народа с западными соседями. До наших дней в этих районах сохранились развалины древних буддийских храмов и прекрасная буддийская настенная живопись.

Большой интерес представляют и древние каменные изваяния, обнаруженные в области Чжаосу — Хоргос спецрайона Или, расположенного в северо-западной части Синьцзяна на границе с Казахской ССР. Они найдены на степных пастбищах или в долинах горных ущелий вблизи г. Чжаосу (в степи, называемой Аксу, в степном районе Самуташи, горном районе Акьясы, в ущелье Сяохунхай) и г. Хоргос (в горной долине Цюхэтай). Изваяния представляют собой высеченные из камня стелы, которым придана форма человеческой фигуры. На четырех изваяниях в верхней части высечен овал лица с обозначенными глазами, ртом и носом, а на туловище изображены складки одежды и две руки, сложенные на животе. В какой-то мере, пишет Ван Цзы-юнь, общий характер фигур напоминает статуи из курганов династии Тан, однако контур лица передает особенности среднеазиатского типа, что ярко проявилось в изваяниях из чжаосуского Аксу и Самуташи².

Изваяние в Самуташи имеет высоту 1,45 м. Высеченные на его лице борода, усы, брови, нос, вместе с некитайским платьем, столь характерны, что напоминают облик представителя иранской народности. Изваяние из чжаосуского Сяохунхай в общей обрисовке напоминает изваяние Самуташи, но лучше сохранилось. Высота его 2,30 м. В правой руке, как и на изваянии Самуташи, изображен «винный сосуд [или же чаша (пиала). — Р. И.] для питья кумыса], а левая рука держит край одежды»³. Спереди на голове высечена шапка, а сзади очень длинные волосы с украшениями. На туловище, на лбу, на руке, держащей сосуд, есть какие-то знаки, напоминающие «древне-уйгурское письмо»⁴.

Еще одно изваяние с обрисовкой лица обнаружено в районе г. Хоргоса. В отличие от трех предыдущих оно изображает женщину, держащую обеими руками прямо перед животом какой-то сосуд. Высота изваяния 0,9 м. Ван Цзы-юнь считает возможным по технике исполнения сблизить эти изваяния с известными каменными изваяниями из

¹ Ван Цзы-юнь, Синьцзянды шикэ ишу (Синьцзянское искусство резьбы по камню), «Вэньуцанькао цзыляо», 1956, № 8, Пекин, стр. 11—15. Сообщение о петроглифах Синьцзяна лишь предварительное. Автор не пытается дать датировки их, не сообщает о технике исполнения рисунка. Петроглифы обнаружены на скальных плоскостях в районе Хоргоса, Чжаосу, Текеса и на отрогах хребта Бошань. Большинство рисунков изображает пастбу скота (коров, овец) и верховую охоту с луками на диких зверей. Среди петроглифов обнаружены знаки, напоминающие древнеуйгурское письмо, а также тамгообразные изображения горных козлов, которые следует отнести к древнетюркскому времени; ареал изображений этого типа весьма широк — они встречаются в Монголии, Туве, Казахстане, Киргизии, Узбекистане (см. А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, I, «Сборник МАЭ», т. XVII, Л., 1957).

² Ван Цзы-юнь, Указ. раб., стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же.

провинции Хэнань и изваянием ханьского времени из провинции Шэньси, называемым «Ткачиха».

Такова общая характеристика изваяний из Синьцзяна. Далее Ван Цзы-юнь, обращая внимание на то, что большинство изваяний ориентировано на восток — «к восходу солнца», высказывает предположение, что изваяния были для древних кочевых племен «идолами, которым поклонялись»⁵.

Подобное определение назначения изваяний автор считает возможным аргументировать тем местом в тексте о сюнну из «Шицзи», где сказано: «сюнну... поклонялись солнцу, как началу жизни»⁶.

Касаясь вопроса о датировке каменных изваяний, автор приводит определение Н. И. Веселовского, указавшего на принадлежность аналогичных изваяний древнетюркским племенам, и со своей стороны добавляет, что, поскольку данный район Синьцзяна территориально связан с Казахстаном, синьцзянские изваяния можно считать памятниками, созданными древними усунями⁷. Далее Ван Цзы-юнь развивает свою мысль следующим образом: племена усунь, как часть сюнну, которые, по его мнению, были в свою очередь частью туцзюэ, распространились в районе Или в начале династии западной Хань (III в. до н. э.).

С другой стороны, данные изваяния по технике близки ханьским статуям из Центрального Китая, а поэтому их можно считать произведениями «эпохи Хань, если не более ранними»⁸.

Подобная датировка нам представляется сомнительной. Автор связывает изваяния с какой-то частью туцзюэ, тем самым датируя их III в. до н. э. Но, как известно, в китайских хрониках туцзюэ — тугю появляются только с первых веков н. э.⁹. К тому же в хрониках Суй-шу, Тан-шу и других вместе с характеристикой тугю рассказывается о создании каменных изваяний в честь покойных, но подобных подробностей нет при описании усуней. Простая ли это случайность, или же автор дает неточную датировку изваяния? Вероятнее всего последнее, тем более, что ссылка на совпадение техники изготовления изваяний с ханьскими статуями вряд ли основательна. Эти совпадения скорее всего объясняются самим материалом, из которого сделаны изваяния, и орудиями его обработки, а не синхронностью их изготовления в каждом отдельном случае.

При определении функции изваяний автор также не принял в расчет прямых указаний упомянутых выше хроник о том, что изваяния были памятниками в честь умершего, а не божествами-идолами, как полагает Ван Цзы-юнь.

Вопрос о значении каменных изваяний древнетюркского времени уже давно является предметом оживленной дискуссии. Дискуссия эта возникла в связи с расхождением между дешифрованными орхонскими текстами, согласно которым на могилах знатных тугю устанавливалось изваяние наиболее значительного врага умершего¹⁰, и текстом перевода Н. Я. Бичурина из китайской хроники Суй-шу о том, что на таких могилах устанавливался «нарисованный облик покойника»¹¹.

Л. А. Евтюхова, опираясь на указанный выше текст перевода Н. Я. Бичурина и портретную технику изваяний, считает, что «каменные изваяния обозначают самих умерших»¹². Противоположного мнения придерживается А. Д. Грач, который пишет, что «каменные изваяния изображали на Орхоне наиболее сильных, наиболее влиятельных врагов покойного тюркского кагана или знатного тюрка»¹³. Иначе рассматривает этот вопрос С. В. Киселев, который, солидаризуясь с определением назначения изваяний, данным Л. А. Евтюховой, допускает, однако, что часть грубых изваяний, «балбалов», является изображением врагов¹⁴. Наконец, А. Н. Бернштам писал, что «балбалы» «могли быть как изваяниями портретного характера, воспроизводящими похороненного, так и изображением обобщенным, воспроизводящим его слугу в потустороннем мире»¹⁵.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 13.

⁸ Там же, стр. 14.

⁹ Напомним, что термин «тугю» — собирательный и объединяет большое число групп древних тюрков, ставивших каменные изваяния рассматриваемого круга.

¹⁰ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1952, стр. 28; В. В. Радлов и И. Н. Мелиоранский, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Труды Орхонской экспедиции, т. IV, СПб., 1897, стр. 7, 34, 45.

¹¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 230 (разрядка моя.—Р. И.). Здесь не принимается во внимание изваяние Кюльтегина, поскольку оно было сделано по распоряжению императора Китая и китайскими мастерами.

¹² Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, «Материалы по археологии СССР» (МИА), 24, М., 1952, стр. 116.

¹³ А. Д. Грач, Каменные изваяния западной Тувы (К вопросу о погребальном ритуале тугю), «Сборник МАЭ», т. XVI, Л., 1955, стр. 428.

¹⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 509, 546.

¹⁵ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 143.

Л. А. Евтюхова и другие исследователи пользовались тем местом из хроники Суй-шу, которое в переводе Н. Я. Бичурина гласит: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»¹⁶.

Вторая часть этого отрывка дает объяснение находимым археологами вереницам камней на тугюских могилах. Первая часть позволяла допустить, что «нарисованный облик покойника» — это и есть каменное изваяние, а «описания сражений» — это стелы, подобные той, которая установлена в честь Кюльтегина. Во всяком случае именно так понимали бичуринский перевод позднейшие исследователи.

Обратимся к китайскому подлиннику. Прежде всего следует отметить, что раздел о тугю в переводе Н. Я. Бичурина имеет ссылку на китайскую династийную историю Тан-шу (Синь-тан-шу), а в подзаголовке есть ссылки на династийные историки Чжоу-шу

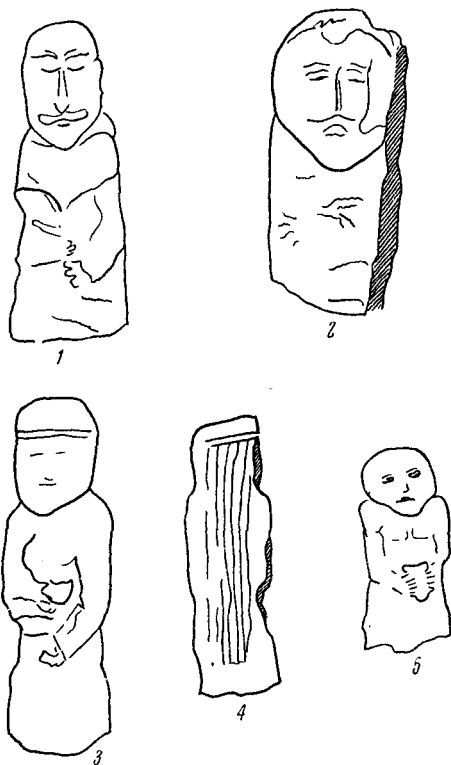
и Суй-шу, созданные в начальный период правления династии Тан (первая половина VII в.). Это не случайно, так как в самой Тан-шу, составленной с привлечением материалов Чжоу-шу и Суй-шу, история тугю изложена более кратко и не содержит тех сведений о погребальном обряде, которые изложены в более ранних известиях.

Династийные истории — Чжоу-шу, составленная танским историком Линху Дэ-пенем, и Суй-шу, автором которой является танский историк Вэй Чжэн, были созданы по распоряжению императора Гао-цзу, основателя танской династии (618—626). Авторы обеих историй были не только современниками, но и коллегами, состоявшими в одном ученом комитете для создания династийной истории эпохи «шести династий» — «Лю-чао» (IV—VI вв. н. э.). Насколько позволяют судить материалы китайской истории, текст Чжоу-шу был составлен раньше, чем Вэй Чжэн закончил работу над Суй-шу. В обеих историях разделы о тугю в общем почти текстуально совпадают, исключая стилистические изменения и некоторые второстепенные детали, но вместе с тем, как уже указывалось в работе А. Д. Грача¹⁷, имеется существенное расхождение в одной детали описания погребального обряда тугю. Это расхождение в двух текстах, на которые ссылается Н. Я. Бичурин, по каким-то причинам не было указано ни в первом издании его труда, ни во втором. В последнем не указано также, что в тексте перевода Н. Я. Бичурина из Суй-шу допущен существенный пропуск.

Ознакомимся с текстом обеих хроник (точнее — династийных историй). Приведенное выше место из текста перевода Н. Я. Бичурина должно быть переведено так:

Из Суй-шу (цзюань 84, стр. 2а): «у могилы из дерева ставят дом. Внутри его рисуют [тухуа] облик покойника, а также военные подвиги, совершенные им при жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, ставят один камень и так до сотни и тысячи. Если умер отец или брат, то дети и братья женятся на матери и жене брата. В течение пяти месяцев много убивают баранов и лошадей. По принесении баранов и лошадей в жертву...» (далее, как у Н. Я. Бичурина)¹⁸.

Это же место в Чжоу-шу (цзюань 50, стр. 4б) гласит: «По окончании похорон на могиле ставится каменный знак, другие камни много или мало [ставятся] в зависимости

Каменные изваяния из Синьцзяна: 1 — из чжаосуского Самуташи (выс. 1,45 м); 2 — из чжаосуского Аксу (выс. 1,2 м); 3 — из чжаосуского Сяохунхай (выс. 2,3 м, вид спереди); 4 — то же, вид сзади; 5 — из района г. Харгоса (выс. 0,9 м)

¹⁶ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 230.

¹⁷ А. Д. Грач, Каменные изваяния западной Тувы, стр. 428, 429.

¹⁸ Сообщения о том, что дети по смерти отца женятся на матери (мачехе) и т. п., имеются в переводе Н. Я. Бичурина, но несколько ниже. Можно предположить, что Бичурин пользовался другим изданием Суй-шу. Однако во всех просмотренных нами изданиях основной текст изложен так, как в приведенном новом переводе.

от количества убитых людей [покойником] при жизни» (далее идет тот же текст, что и в переводе из Суй-шу)¹⁹.

Таким образом, в текстах обеих хроник есть расхождение в подробностях описания, но нет противоречия. В одном случае указывается, что ставят каменный знак, в другом, что, если убит один, ставят один камень и т. д., но перед этим сообщается о сооружении деревянного дома, внутри которого рисуют облик покойного и картины его военных подвигов. Подробностей о домике и изображении покойного нет в Чжоу-шу.

Случайны ли приведенные тексты? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к наиболее близким по времени другим династийным историям и энциклопедиям. Известно, что китайские авторы династийных историй, не говоря уже о составителях энциклопедий, очень бережно относились к сочинениям своих предшественников и, переписывая их зачастую полностью, сохранили для последующих поколений многие ценнейшие сведения, которые неминуемо могли быть утрачены.

Конечно, исследовать данный вопрос по всей обширной китайской исторической литературе не представляется возможным, но материалы, взятые из разных источников, по времени наиболее близких к Чжоу-шу и Суй-шу, позволяют сделать определенные выводы.

Остановимся на трех источниках.

Истории династий Чжоу и Суй были использованы в более позднем памятнике той же танской династии — «Бэй-ши» (автор Ли Янь-шоу). Погребальный обряд тугю излагается здесь (цзюань 99, стр. 36) точно так же, как в Суй-шу, исключая только указание, что дом при могиле делается из дерева (т. е. просто сказано: «у могилы ставят дом»). Тожественное описание встречается в ряде других хроник, рассматривающих те же исторические периоды, что и Бэй-ши, причем в одних упоминается деревянный дом, в других говорится о доме вообще, без указания материала, из которого он сделан. Иными словами, текст Суй-шу лег в основу позднейших династийных историй. Что касается текста Чжоу-шу, то он лег в основу ряда известных энциклопедий средневекового Китая. В энциклопедии Цэфу-Юаньгуй, созданной особой комиссией в 1005—1013 гг. (в период династии Сун), описание погребального обряда тугю дается точно так же, как в Чжоу-шу (цзюань 961, стр. 21а, б). Полное текстовое совпадение с Чжоу-шу встречаем и в разделе об обычаях тугю написанного в XIV в. сочинения Ма Дуань-лина «Вэньсяньтункао» (цзюань 213, стр. 36).

Следовательно, если тщательно анализировать китайские тексты, то придется признать, что они не опровергают указания орхонских текстов о том, что каменные изваяния — это изображения врагов. Рисованное изображение покойного знатного тугю и его подвигов наносилось, вероятно, на какой-то плоскостной материал в деревянном доме при могиле. Недолговечность дерева не позволила открыть археологам эти намогильные сооружения древних тугю, но возможно, что те остатки дерева и камня с рисунками, находимые у могил тугю, о которых сообщает С. В. Киселев в своем обширном труде «Древняя история Южной Сибири», и есть остатки этих могильных сооружений.

Опубликованный в статье Ван Цзы-юня материал, несмотря на спорность выводов автора, вновь ставит вопрос о необходимости широких совместных работ китайских и советских ученых, особенно над историей таких районов, как Синьцзян, судьбы народов которого на протяжении многих тысячелетий были тесно связаны с народами Средней Азии и Южной Сибири.

¹⁹ Строкой выше в Чжоу-шу есть еще одно расхождение с текстом перевода Бичурина и с оригиналом Суй-шу: в фразе «В день похорон, так же как в день кончины, родные...» и т. д. отсутствуют слова «так же как в день кончины». В остальном текст о погребальном обряде тугю, изложенный в переводе Бичурина и в обеих хрониках, совпадает.